

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Г.И. Мусихин

*д.полит.н., профессор, Российский биотехнологический университет
(Москва)*

НАРРАТИВ КАК СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИМВОЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье предпринимается теоретический анализ концепта политического нарратива как политической реальности, которая не сводима к совокупности позитивистски фиксируемых фактов. В контексте политической символизации нарративы как элементы толкования политики формируют смыслы последней через речевые ситуации, развивающиеся как взаимодействие суждений. Политические нарративы выполняют роль посредников в социальной деятельности, которые не просто передают информацию, но делают это с приращением нового смысла, ибо политические нарративы транслируются посредством обсуждения (делиберации). Происходит формирование «нарративной идентичности» как позиционирование к метанарративам и их создателям. Автор показывает, что любая символическая политическая реальность представляет собой констелляцию нарративов вовлечённости, которые создают речевые ситуации взаимодействия членов сообщества с коллективной историей как повествованием. Тем самым нарратив вводит индивидов в политический контекст. Это даёт возможность зафиксировать нарративный «след» совместных социальных практик, которые носят имена «культуры», «нации», «страны» и т.д. При этом автор обосновывает тезис, что форма и содержание политических нарративов получают значение внутренней обусловленности задним числом, так как унаследованный массив политических толкований постоянно «перерассказывается» в актуальном настоящем. Делается вывод, что в контексте политической символизации нарратив может представлять собой аналитическое решение проблемы взаимодействия индивидуального сознания и общества.

Ключевые слова: *политическая символизация, нарратив, речевая (verbal) ситуация, политический контекст, дискурс, вовлечённость, коллективная память, идентификация.*

JEL: Z10, Z18

УДК: 303.01, 32.0195

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_116_133

© Г.И. Мусихин, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Мусихин Г.И.* Нарратив как смыслообразующий элемент политической символизации // Вопросы теоретической экономики. 2024. №2. С. 116–133. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_116_133.

FOR CITATION: *Musikhin G.* Narrative as a Meaning-Forming Element of Political Symbolization // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 2. Pp. 116–133. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_116_133.

Введение

В самом начале хочу оговориться, что данная статья написана в русле авторского подхода к *политической символизации*¹ и не претендует на то, чтобы следовать логике теории нарратива. Последний является важным, но всё же подчинённым концептом в контексте политической символизации. При этом понимание политической символизации последовательно отделяется от позитивистского объяснения политики². Современная политическая наука, опираясь на принципы логического позитивизма (хоть и с серьёзными оговорками)³, сконцентрирована прежде всего на позитивистской фиксации политических интересов и предпочтений. С точки зрения политической символизации политический процесс может быть не только отражением интересов, но и результатом существования тех или иных когнитивных конструкций. Поэтому вопрос об *истине* в политике является *риторическим*, а не содержательным.

В понимании политической символизации я отталкиваюсь от немецкого *романтизма*, создавшего эстетическую теорию символа⁴. Немецкие романтики поставили во главу угла не взаимоотношение реальности и образа, а взаимодействие автора и символа, который прекрасен в той мере, в какой он не транзитивен (целостен с точки зрения диалектики).

С романтически понятым символом связана романтическая концепция языка как становления, содержащего в себе способность производства нового смысла, как нового качества, которого не было в непосредственно произносимых словах. Данное качество высвечивается только в ходе совместного толкования с непредопределённым результатом. Возникшее в русле немецкого романтизма *динамическое* понимание языка перекликается с динамической трактовкой символизации, которая не есть обозначение, так как акцент делается на экспрессии, а не на репрезентации, т.е. *выразительность* доминирует над репрезентативностью.

Исходя из этого, политическая символизация существует в контексте *недостаточности конкретного смысла*, адекватного логике. Означаемое диалектически выходит за рамки обозначенного в суждениях участников коммуникации. Романтически понятые символы развиваются не от *значения* к значению, а от *суждения* к суждению. В первом случае объясняется значение (присоединения Крыма, вводимых санкций, строительства «Северного потока 2» и т.д.), во втором — имеет место коммуникация, способная запустить процесс коллективного самоосознания. Обязательным контекстом их возникновения выступает не мыслительный процесс, а актуальная *речевая ситуация*, которую не следует отождествлять с *дискурсом* Тёна ван Дейка, для которого политический дискурс есть социальный конструкт семантических значений, а не символических суждений [Dijk, 2008]⁵.

¹ Политическая символизация понимается как множественность смыслов коммуникации в политическом контексте, конвенциональность которых заранее не обеспечена (подробнее см.: [Мусихин, 2015a ; Мусихин, 2015b]).

² Политическое мною понимается как опубликование социальной власти. В понимании власти я буду следовать концепции Лумана, для которого власть была способностью символической генерализации социальных ожиданий, образующей ценностно-инструментальный код по отношению к целям социальной координации [Luhman, 1975].

³ Эти оговорки продиктованы известной идеей Шапиро о том, что основной массив исследований в рамках эмпирической политической науки реконструирует предпочтения (независимая переменная) из реального поведения (зависимая переменная), хотя согласно принципам позитивизма должно быть наоборот [Shapiro, Wendt, 1992].

⁴ Подробнее о символической теории немецкого романтизма [Тодоров, 1998], о политическом романтизме [Шмитт, 2006].

⁵ Предложенный мною конструкт речевой ситуации опирается на концепцию речевых актов Д. Остина [Остин, 1999], но не совпадает с ней. Речевая ситуация помимо собственно языкового послания учитывает неязыковой контекст, в котором слова были произнесены/не произнесены. Этот контекст может иметь не меньшее значение для понимания актуального нарратива, чем сами слова. Вспомним пушкинское: «Народ безмолвствует».

Концепт политической символизации даёт возможность посмотреть на огромные интеллектуальные богатства теории нарратива не с точки зрения лингвистического *объяснения* политики, а с позиции контекстуального *понимания* самой политики. Объяснение в данном случае будет содержаться в диалектически снятом виде. Такой подход ведёт к серьёзным интеллектуальным ограничениям, так как безусловно значимый массив лингвистических исследований и подходов в их непосредственном виде будет оставлен в сфере самой лингвистики и не станет предметом теоретического анализа в данной статье.

Политический нарратив как не-позитивистская реальность политики

Окружающая нас действительность обретает политическое звучание через язык как речь, которую мы производим в разговорах, текстах и интерактивном общении по поводу власти [Fairclough, Grant, 2010]. В контексте политической символизации это предполагает не просто отражение действительности в словах, наделённых политическим значением, сама *речь* как комплекс речевых ситуаций создаёт политическую *реальность*, где, например, государство приобретает тот смысл, который то или иное политическое сообщество выработает в ходе суждений по поводу соответствующих явлений в тех, а не иных словах. Речевые ситуации «кадрируют» политическую реальность и одновременно делают её «фильмом» со своей сюжетной линией [Fairhurst, Sarr, 1996]. Это главное, на чём делается акцент в ходе коллективного толкования. Так, информативно и семантически нейтральное выражение «эта страна» может быть названо маркером отсутствия патриотизма.

Наиболее чётко «кадрирование» (фреймирование) политической реальности можно проследить в использовании политически актуальных словесных конструкций. Одни и те же действия, совершённые одними и теми же людьми, могут называться и «преступлением террористов», и «атакой повстанцев» [Fisk, 2001]. Методы контент-анализа обнаруживают подобные ситуации довольно часто. Однако для такого анализа первична логика языка, а не логика политики, последняя, впрочем, неким «волшебным» образом выходит на первый план в выводах контент-анализа. Для политической символизации изначально первоочерёдное внимание уделяется тому, как истолковывают разные политические сообщества *обсуждаемую* ситуацию. Такой подход можно упрекнуть в примитивной описательности, отказывающейся от изошёренных техник лингвистического анализа, и с технической точки зрения этот упрёк будет справедлив, однако для ситуативного понимания (а не репрезентативного объяснения) политических процессов данный подход может дать больше содержательных *суждений*, нежели семантика *значений*.

Не меньшие сложности возникают, если рассматривать вышеописанную ситуацию с эмпирико-позитивистской (не семантической) точки зрения. С позитивистских позиций данные разночтения легко фиксируются и, как минимум, какая-то одна из позиций должна быть признана не соответствующей действительности. Однако в контексте политической *символизации* все эти позиции являются частью политической *реальности* и способны приводить к реальным (в том числе материальным) последствиям⁶. То есть слова не отражают мир политического. Они являются деятельной составляющей этого мира, содействуя или препятствуя амбициям политических лидеров, усиливая или ослабляя коллективную идентификацию, мобилизуя или распыляя различного рода ресурсы. При этом нужно помнить, что политический контекст всегда накладывает на речевые конструкции «властный колорит», даже если сама властная проблематика не обсуждается непосредственно.

⁶ Сейчас в социологии это известно как теорема Томаса [Merton, 1995], хотя романтиками это механизм был обоснован на сто лет раньше [Тодоров, 1998].

Нарратив в политической *реальности* является критически важным для понимания политических *событий*. Последние, будучи охвачены нарративом, связываются в терминах смысловой связи, а не просто случайно фиксируются, ибо любой политический нарратив генерализуется последовательностью смыслов языка [Gabriel, 2004]. При отсутствии политического нарратива мы теряем сюжет [Gabriel, 2008. P. 196], т.е. утрачиваем понимание происходящего. Для инопланетян выборы на Земле будут упорядоченным передвижением людей, проставляющих примитивные знаки на скоропортящемся материале. Смысл верховного властного действия останется для них вне понимания без понимающего знакомства с соответствующим нарративом. При этом сюжет политического нарратива есть не совокупность экспертного знания о политике, а сама политика, создаваемая теми, кто о ней говорит (пишет, дискутирует). Оппоненты Барака Обамы могли сколько угодно обвинять его в отсутствии реальной программы действий и проповеднической риторике, но нарратив будущего Америки, созданный Обамой, оказался в глазах большинства избирателей более убедительным, нежели формально логичные высказывания экспертов, которые обвиняли его в непрофессионализме и неэффективности, причём вполне обоснованно обвиняли. И эта убедительность имела реальные властные последствия: Обама восемь лет был президентом США⁷.

В контексте политической символизации нарративы как элементы толкования политики формируют смыслы последней через *речевые ситуации*, развивающиеся через взаимодействие *суждений*. Это, в свою очередь, предполагает, что суждения обязательно кем-то высказываются и кому-то адресованы (актуально или потенциально). Такое понимание политической символизации влечёт за собой принятие нескольких концептуальных принципов:

- ▶ в политической реальности язык и мышление не просто связаны, они составляют *взаимно конституирующие элементы символизации*;
- ▶ политические нарративы как речевые ситуации удовлетворяют персональную потребность в *идентификации* по отношению к власти;
- ▶ достижение коллективной *солидарности* происходит как совместное *самоосознание общего смысла* политики.

Политические нарративы выполняют в социальной деятельности роль *посредников*, которые не просто передают информацию, но делают это с *приращением* нового смысла, так как политические нарративы транслируются посредством *обсуждения*. Можно сказать, что *все* политические нарративы — это имплицитные или эксплицитные *обсуждения*. В политическом контексте люди думают, воспринимают, представляют и делают моральный выбор через нарратив, т.е. в специфической *речевой ситуации оценочного повествования*. Принятие политических решений, идеологическая идентификация, формирование коллективных убеждений и мотивации к участию в коллективных действиях представляют собой специфические нарративы как фиксацию политической *реальности*, которая *не сводима к совокупности позитивистски фиксируемых фактов*.

Если посмотреть на освещение Второй мировой войны в учебниках истории России и США, то нетрудно заметить, что эта очень подробно задокументированная история *рассказывается* по-разному. И здесь мы видим не прямую историческую фальсификацию с той или другой стороны. Это *разные политические нарративы* об одном и том же историческом *событии*. Старые национальные истории политически рассказываются для новых наций [Suny, 2001]. Данный нарратив включает в себя массу элементов: коллективную память, особенности пройденного после войны политического развития, культурные повседневные практики, характер взаимоотношений между странами и т.д. Из всех этих элементов возникает *символическая* модель актуальных социальных и политических

⁷ О риторических приёмах Обамы в ходе избирательных кампаний см.: [Frank, 2011; Isaksen, 2011].

отношений. Такие модели способны оказывать *снимающее* воздействие на элементы коллективной памяти. Значительная часть информации из прошлого *не будет отрицаться целенаправленно*, она просто *не будет воспроизводиться в символических конструкциях*. В результате Великая отечественная война является «неизвестной войной» в США, а для нас такой же «неизвестной» будет война на Тихом океане.

Примечательно, что вышеназванные нарративы написаны не только для того, чтобы оказать влияние на определённую аудиторию, они созданы именно в расчёте на данную аудиторию, т.е. предполагают перспективу имплицитного *диалога* читателей с текстом. И диалог этот предполагается как *взаимопонимание*, а не спор. Через подобные нарративы индивидуальное сознание приобщается к социальной реальности с особыми политическими и культурными условиями [Bruner, 1990]. Происходит формирование «нарративной идентичности» [Somers, 1994] как позиционирование к метанарративам⁸ и их псевдосоздателям [Fivush, 2010; Hammack, 2011; Hammack, Pilecki, 2012]. Последние выступают специфическими политическими квазиактерами, которые создают (или поддерживают) ретроспективные мифологемы, конституирующие актуальную национальную конфигурацию, поддерживающую процесс идентификации индивидов и социальных групп. При этом в механизме конструирования подобных мифологем нет ничего эзотерического, он в значительной мере укладывается в хорошо известные приёмы риторической аргументации [Мусихин, 2016; Мусихин, 2018], упорядоченной ещё Аристотелем. Сложно отследить, кто конкретно заменил нарратив «краха СССР» на нарратив «разрушения СССР», но отождествляется последний нарратив с нынешним президентом России, запуская механизм нарративной идентичности как сопричастности с наследием великой державы и её реальности в настоящем.

Любая символическая политическая реальность представляет собой констелляцию *нарративов вовлечённости*, которые создают речевые ситуации взаимодействия членов сообщества с коллективной историей как повествованием. Это способствует как индивидуальному, так и коллективному *самоотождествлению* с различными политическими образованиями — нациями, государствами, общественными движениями, политическими партиями и т.д. Происходит конструирование уникального социального нарратива как коллективной исторической памяти, имеющей религиозные, этнические, расовые, идеологические и прочие элементы, содержание которых постоянно *взаимодействует*, создавая *новые* элементы *толкования* политики. В границах такого толкования идентификация рассматривается как процесс *диалогического* вовлечения в нарратив, через который индивиды находят (или не находят) смысл своей жизни, вынося положительные или отрицательные *суждения* относительно коллективных историй.

Если принять комплекс значимых нарративов (совпадение их с метанарративами может иметь место, но носит ситуативный характер) как отражение коллективной исторической памяти за актуальное состояние общества, можно через это состояние проследить, как *понятый* таким образом социум оказывает влияние на политические *представления* и политические *действия*. Кроме того, фиксируя смысловые ограничения комплекса значимых нарративов, можно попытаться понять, как индивиды и группы пытаются *создать* новый / сохранить существующий социальный *порядок* как *толкование* (воспроизводство существующих или создание новых) *смыслов* политики.

⁸ О проблематике метанарратива [Лиотар, 1998].

Концептуализация политического нарратива как ситуативного единства мышления, знания и языка

Политические нарративы фиксируют и одновременно описывают когнитивный процесс выработки смыслов политики [Bruner, 1990]. Только опираясь на политический нарратив, мы можем говорить о том, что люди *реально* думают о политике. Поднимать вопрос о *мышлении* как таковом в политическом контексте *бессмысленно*, ибо в конечном счёте придётся констатировать невозможность обнаружения мыслей о политике в головах людей. Да и в контексте политической символизации это не имеет принципиального значения, так как политическое здесь есть опубличивание социальной власти.

Политический нарратив создаёт речевые ситуации, через которые достигается чувство личной сопричастности и коллективной солидарности, а коллективно истолкованные смыслы приобретают статус общих убеждений, способных вызвать массовые целенаправленные действия по поводу власти. Можно сказать, что именно *нарратив вводит индивидов в политический контекст*. Этот процесс может носить имя осознания собственного интереса, мотивации, формирования предпочтений и т.д.

В рамках политической символизации принципиально важно, что политический нарратив демонстрирует: *говорить, думать и знать в контексте политики приходится одновременно* [Мусихин, 2015b]. Природа смыслов, фиксируемых политическими нарративами, а также сюжетные линии толкований политических *суждений* принципиально влияют на то, что мы думаем о политической реальности, задавая рамки должного (допустимого) для взаимоотношений власти, значимых социальных групп и индивидов.

Говоря об *индивидах* в контексте политических нарративов, следует акцентировать внимание на том, что индивиды прежде всего нацелены на *персональную согласованность* с имеющимися в нарративах политическими смыслами. Индивидуальное восприятие политического контекста ориентировано на *чувство сопричастности* и преимущества со временем и местом политических событий, которые воспринимаются как политический нарратив. При этом на уровне индивидуальной рефлексии такой нарратив по определению фрагментарен. Однако последнее преодолевается (снимается) политической символизацией. Факт *незнания* или неспособности объяснения всегда маскируется *риторическими* языковыми конструкциями аргументации, которые в пространстве политической символизации есть *как бы* знание, понимание и объяснение. При этом «как бы» в ходе символической политической генерализации понятий *опускается* (или телескопически «схлопывается») [Мусихин, 2018]. Фразы «мы же всё знаем», «мы же всё понимаем» часты в политических дискуссиях и отсылают нас одновременно к двум как будто бы существующим явлениям — «нам всем» и «всеобщему знанию и пониманию». Если риторическая аргументация оказывается при этом убедительной, «как будто бы» исчезает из коллективного самоосознания.

Чувство сопричастности, удовлетворяемое через телескопическое «схлопывание» фрагментарных смыслов в ходе политической символизации, наделяет *солидарность* принципиальным политическим *смыслом*. В политическом контексте людям свойственно искать солидарности через ознакомление с политическими нарративами, внося тем самым больший или меньший вклад в их воспроизводство или изменение. Тем самым можно зафиксировать *нарративный «след» совместных социальных практик*, которые носят имена «культура», «нация», «страна» и т.д.

Политический нарратив как таковой фиксирует ситуативные взаимоотношения между языком, мышлением и социальной структурой. «Политическое мышление» может существовать только как реальность языкового социального взаимодействия. Здесь необходимо отказаться от *двух заманчивых искушений*.

Первое — искушение *когнитивной психологией* как таковой. Заманчиво найти эмпирическую связь между тем, что происходит в головах, и тем, что фиксируется в нарративе. Однако, во-первых, на уровне репрезентативного политического поведения это недостижимо, а во-вторых, для понимания политической реальности это не принципиально, если история не знает сослагательного наклонения, то политика важна как актуально осуществляющаяся данность. Хотя для собственно когнитивной психологии нахождение вышеназванной связи является безусловно важной задачей, и в этой сфере достигнуты значительные успехи [Billig, 1985; Billig, 1987; Bruner, 1990].

Второе — искушение *семантикой* как таковой, возникающее, когда лингвистика отказывается от удвоения предмета исследования (речевое/психическое), сосредотачиваясь на логике языка. Раскладывать политический нарратив на чистые семантические значения — увлекательное и оправданное занятие в рамках теории языка, но для понимания политической реальности этого, как правило, крайне мало, так как чистая логика языковых значений будет лишь «тенью в пещере Платона», контекстуальность политических суждений, которые высказываются конкретными субъектами политики, останется за кадром. Конечно, современные исследования политики после «лингвистического поворота» (вклад которого в развитие гуманитарных наук неоспорим⁹) изобилуют указанием на необходимость учёта политического контекста (особенно в рамках «нарративного поворота»)¹⁰. Однако, как правило, этот учёт является приложением к собственно лингвистическому анализу. Для него политический характер языка важен, но *имплицитно* вторичен по отношению к собственно законам языка, которые доминируют в ходе анализа. Политический же контекст, как правило, выходит на первый план лишь в выводах неким «волшебным» лингвистическим образом.

Имея в виду вышеназванное искушение семантикой, нужно осторожно относиться и к радикально противоположной идее М.Фуко о *производительной силе дискурса*, «создающего» субъект и «растворяющего» его в себе [Фуко, 2012]. Скорее можно говорить, что новые политические смыслы создаются при взаимодействии нарративов (которые не обязательно кристаллизуются в дискурсы) и субъектов. В этой связи не стоит переоценивать возможности дискурс-анализа для понимания политики¹¹. В данном случае важен не вопрос о первичности «яйца» или «курицы», а нахождение уникальной *способности* политической символизации, которая состоит в развитии *нового качества* политики: в «яйце» в принципе нет «курицы» как таковой, но она из него *развивается*.

При этом важно не забывать, что политический нарратив имеет «полифоническое звучание», когда несколько сюжетных линий оспаривают *доминирование* в процессе выработки политических смыслов. Соответственно, и толкование сюжетных линий будет варьироваться, вызывая дифференциацию значимых социальных групп, которые в свою очередь будут вносить свою «речевую компоненту» в нарративные сюжетные линии.

В условиях современных медиа создание *убедительного* политического нарратива становится важнейшим условием политического *лидерства*, так как подобный нарратив воплощает в себе коллективное самоосознание политического сообщества как отождествление. Такое самоосознание происходит задним числом [Czarniawska, 1997], ибо нарративы выступают как производящие смысл истории, с которыми сообщество себя идентифицирует, *как если бы* оно было творцом этих историй. Однако в контексте политической символизации принципиально важно, что самоосознание происходит и имеет реальные политические последствия. Иными словами, если мифологемы порождают политическую

⁹ О лингвистическом повороте см.: [Витгенштейн, 2009; Rorty, 1967; Куайн, 2000; Рикёр, 1998].

¹⁰ Здесь прежде всего следует отметить поздние работы Л. Витгенштейна [Витгенштейн, 2009], а также Ф. Анкерсмита, одного из наиболее авторитетных представителей «нарративного поворота» [Анкерсмит 2003].

¹¹ О политическом дискурс-анализе: [Dijk, 2008].

реальность, последняя не становится из-за своего мифологического первоисточника менее реальной. Местоимение «наш» в слоганах «Крым наш» и «Путин наш президент» стало действительным маркером консолидации российского общества, испытавшего эйфорию от того, что Россия (а значит, и все россияне) возвращает Крым. Хотя в реальности действительно массовым политическим действием был только референдум в Крыму (подготовленный, впрочем, ограниченным кругом лиц).

Очевидно, что вклад в создание политического нарратива как рассказываемую историю в рамках политического сообщества не равноценен. Поэтому *способность* лидеров общественного мнения рассказывать подобные истории во многом предопределяет возможности политической элиты *контролировать* политическое сообщество. Соответственно, толкование историй как комплекса суждений в рамках политического сообщества *ограничивает* манипулятивные возможности правящей элиты (и оппозиционной контрэлиты), так как способность задавать направление массовым суждениям даже с учётом современных медиа-технологий (а во многом и из-за этих технологий) крайне ограничена. Консолидирующая сила нарративов «Крым наш» и «Путин наш президент» иссякла к 2019 г., как бы правящая элита ни старалась его медийно поддерживать.

Не секрет, что смысловая структура политического нарратива, как правило, содержит бинарное коллективное противостояние. При этом уже давно стало трюизмом, что современная социальная жизнь крайне сложна, поэтому поляризация по всем политически актуальным проблемам невозможна. Например, можно быть сторонником религиозных школ и одновременно поддерживать усиление прогрессивного налогообложения, хотя это несопоставимые с позиций политико-идеологического дуализма вещи.

Можно предположить, что *дуализм* на уровне политического нарратива во многом культивируется (*конструируется*) лидерами общественного мнения и политической элитой, так как облегчает «нахождение истины», т.е. принятие решения о выработке политического курса [Lakoff, 2004]. Борющиеся за власть политические силы *риторически упрощают* политическую реальность, делая данное упрощение частью последней. Тем самым политический нарратив приобретает *реальные* дуалистические смысловые акценты, которые предлагается «лайкнуть» участникам политического сообщества [Lyengar, 2005].

Однако участники сообщества могут не ограничиться оценкой и начать *комментировать* предлагаемый дуализм, который в результате коллективных *суждений* может как усилиться, так и потерять характер парной категории. Тем самым современный политический нарратив как реальность политики уподобляется знаменитому *Левиафану*, которым никто непосредственно не управляет, но который при этом конструируется только самими участниками «политического тела».

Следовательно, форма и содержание политических нарративов получают значение *внутренней* обусловленности *задним числом*. В политической реальности эти форма и содержание конструируются произвольно, в зависимости от конstellляции политических суждений (как индивидуальных, так и коллективных). Поэтому унаследованный массив политических толкований постоянно *перерассказывается* в актуальном настоящем. И здесь важно не только содержание таких «перерассказов», но и *интенсивность* участия в данном процессе.

В рамках социального конструктивизма для отслеживания и анализа вышеназванных сюжетных линий политики исключительное значение приобрел *дискурс-анализ* [Dijk, 2008; Fairclough, Grant, 2010]. Особенно интересным такой анализ представляется в рамках *дискурсивной психологии* [Berger, Luckmann, 1966; Gergen 1985; Gergen, 1994]. Дискурс здесь рассматривается как механизм, через который индивиды конструируют реальность и конституируют свою позицию в ней [Edwards, 1997; Potter, Wetherell, 1987]. Однако следует помнить о том, что сведение социального конструктивизма к анализу дискурсов уподобляет последние уже упоминавшимся теням в пещере Платона. Сводит риторическую полити-

ческую аргументацию к дискурсам следует только оговорившись, что это *один из* способов операционализации такой аргументации.

Дискурс-анализ наиболее аутентичен для понимания того, как конструируются и презентуются общественности нарративы политических *лидеров*, отстаивающих те или иные *интересы как предпочтения*. Несмотря на то, что данный вид анализа пользуется растущей популярностью, можно предположить, что последняя есть не столько следствие научного успеха, сколько результат публицистической *известности* самого *термина* «дискурс». Становится всё более очевидным, что дискурс-анализ либо крайне ограничен, либо чрезвычайно сложен для того, чтобы выявить, каким образом нарративы политических лидеров влияют на индивидуальную, а тем более коллективную субъектность в политическом контексте. На данный момент дискурс-анализ может только зафиксировать, как лидеры *предполагают* возможность социального конструирования, разворачивая свои собственные рассуждения как аргументацию. Данные предположения являются важным креативным элементом возможной политической символизации, провоцирующим (или нет) новые суждения о политике, но без толкования этих *предположений* как адресованных публике *предложений*, первые не имеют политического смысла, либо смысл этот будет негативным. На одном из бизнес-форумов в речи Путина возник неловкий момент, когда, озвучив какой-то тезис, оратор сделал паузу, ожидая аплодисментов, но последние не последовали. Предположение лидера не было воспринято публикой как предложение, заслуживающее аплодисментов.

Конструирование политического нарратива можно представить как последовательный процесс формирования семантических *значений* только *постфактум*, так как неконвенциональность коллективных толкований политических смыслов делает возможность прогнозирования как предположения в данной сфере иллюзорной. Примечательно, что частями данного нарратива могут быть не только словесные конструкции. Так, при произнесении имени Че Гевара у абсолютного большинства людей возникнет знаменитый и хорошо узнаваемый образ, связанный с набором радикальных левых идеологических принципов. При этом абсолютное большинство не узнаёт Че Гевару на большинстве его фотографий. И ещё меньше людей знают, что знаменитый снимок был сделан в 1960 г., а получил известность в 1967 г. (незадолго до гибели Че), будучи растиражированным в плакатах. И уже с плакатов он стал частью нарратива молодёжного протеста 1968 г., создавшего мифическую историю революционера по призыванию, символа борьбы с несправедливостью по всему миру. Че Гевара действительно был известным революционером и одним из лидеров кубинской революции. Однако вряд ли его конкретные речи и тексты могли бы иметь такой мобилизующий эффект, который получило визуальное изображение, наделённое универсальным революционным смыслом через массовые радикальные суждения, выходящие далеко за рамки конкретной революционной деятельности Че Гевары [Seidman, Buhle, 2008].

Риторический механизм политического нарратива

Толкование предложенных обществу политических суждений можно представить как социальную категоризацию, носящую риторический характер. Следует отметить, что взаимодействие социальной *категоризации* и социальной *идентичности* не является автоматическим когнитивным процессом.

Положительная или отрицательная оценка тех или иных действий или групп в рамках риторической политической аргументации может серьезно варьироваться в зависимости от того, обсуждается ли обсуждаемая группа (или её действия) как принадлежащая к политическому сообществу, в рамках которого происходит толкование. Так, многих представителей либеральной оппозиции в России ловят на слове «эта страна», когда речь

идёт о России. Здесь важно и то, что такая «ловля» происходит, и то, что такой словесный оборот действительно присутствует в политическом нарративе. Тем самым обнаруживается риторическая основа социальной категоризации. *Когнитивные фильтры* не просто фиксируются политическим нарративом, сама *риторическая аргументация может быть механизмом создания* данных фильтров.

С позиций символизирующего воздействия политического нарратива субъекты политики формируют *восприятие* социальной действительности через оценочное *толкование* своего участия в данной реальности. Политическая символизация производит политическую реальность как взаимосвязь языка (как актуального нарратива), мышления и социальной реальности. Своеобразие данной политической реальности состоит в том, что смысл, формируемый обоснованием определённых интересов (хотя будет правильнее сказать — предпочтений), оказывает влияние на сами эти предпочтения. При этом принципиально важно *не обоснование значения* обсуждаемых предпочтений, а *способ аргументации*, высказываемый в контекстуальных суждениях. Тем самым участники политической реальности участвуют в создании нарратива, который создает *ощущение*, в кантовском смысле *sensus communis* из «Критики способности суждения» [Кант, 1994. С. 107, 165–168], личного и коллективного сопричастия политическому смыслу.

Если подходить к политической аргументации с точки зрения логического позитивизма, то утверждение «политика — грязное дело» будет вполне оправданным. Как правило, выдвигаемая в политическом контексте аргументация не соответствует в целом (но всегда лишь фрагментарно) требованиям эмпирической истины.

Политическая символизация, превращая *истину* в *риторический механизм*, не продуцирует обман, но смещает акцент с позитивистского поиска эмпирически доказываемой истины на убедительность политической аргументации, ибо именно последняя, становясь *уместной* в том или ином пространстве политических *событий*, успешно убеждает участников политического сообщества в «истинности» или «ложности» предмета интерактивного политического обсуждения. В контексте политической символизации первостепенно важным будет не то, какие индивидуальные или групповые характеристики способствуют более эффективной делиберации, а почему более убедительны те, а не другие её участники (в рамках социального конструктивизма, об этом см. [Cunliffe, 2008]).

Политическая риторика использует *правдоподобные* аргументы, а не фактически *истинные* доказательства. Можно сказать, что политическая *аргументация* порождает особый тип политической *реальности* как коллективно *истолкованной* (участниками политической коммуникации) целесообразности и уместности, которые выходят за рамки как эмпирической истинности, так и нормативной идеальности, но включают и то и другое в синтетически снятом виде нового политического смысла.

При этом, если мы говорим об участниках политического сообщества, то неминуемо встаёт вопрос о политическом лидерстве и политических последователях [Collinson, 2005]. На данную тему написано слишком много научных работ, чтобы пытаться даже кратко их обобщить. Для политической символизации принципиально важно, что рассмотрение вопроса политического лидерства есть проблема *интеракции*, а не ее *направления*. Иными словами, принципиально не то, имеем ли мы лидеров, которых заслуживаем, или лидеры получают последователей, которых заслуживают, а то, почему политическое сообщество терпит *неудачу*, ибо только в этом случае начинается поиск виновных (сопровождающийся риторической аргументацией, подающейся как фактическое состояние дел) либо среди лидеров, либо среди последователей.

Успешность аргументации политических лидеров оценивается не по профессионализму использования риторических приёмов убеждения, а по реальной мобилизации аудитории. Именно в этом контексте следует понимать популярный в научных и околонучных кругах термин «*политический дискурс*». То есть последний нужно трактовать как специ-

фическую *речевую ситуацию*, возникающую как аргументированное обращение политического лидера и коллективное толкование данного обращения как комплекс суждений [Wilson, 1990; Cohen, 1994; Gottweis, 2006]. Важно анализировать не только то, что *говорят* политики, но и то, как это *слышим* аудитория.

Политическую аргументацию в контексте политического нарратива следует анализировать с точки зрения *коммуникативных и презентационных навыков* политиков. Поэтому, когда мы говорим о языке политического лидерства, нужно отдавать себе отчёт, что речь идёт не только о собственно языке, но о передаче и взаимодействии смыслов политической реальности [Nye, 2008; Keohane, 2010]. Данные смыслы не всегда непосредственно выражаются словами, самые простые и общеизвестные «дополнения» к языку в политической аргументации — жестикация, мимика, язык тела, элементы одежды. Взаимодействие политических лидеров и адресатов их аргументации образуют особую «*политическую драматургию*» [Cassin, Goffey, 2009. P. 265; Charteris-Black, 2005; Tourish, Jackson, 2008; Hackman, Johnson, 2009; Biehl-Missal, 2010; Sharma, Grant, 2011], сложность анализа которой состоит в том, что текстов «политических пьес» не существует и «ремарки» к политическим дебатам прочесть негде, поэтому их (ремарок) изучение — не столько *анализ*, сколько *реконструкция*.

С точки зрения позитивистской логики аргументационную риторику политических лидеров можно обвинить в выдаче желаемого за действительное (то есть во лжи). Однако следует помнить, что политическая аргументация политиков порождает уникальную ситуацию, которая не описывается ни эмпиризмом, ни формальной логикой. Это ситуация *доверия/недоверия*. Бессмысленно говорить, например, о доверии к математическим аксиомам или теореме Пифагора. Для политического контекста доверие — одно из необходимых условий социальной мобилизации и коллективного политического действия. При этом доверие в политическом контексте порождается, как правило, не констатацией фактического состояния, а риторическим переходом политических лидеров *от убеждений* (в контексте коллективных суждений это ответ на вопрос «кто они/он?») *к аргументам* (в обозначенном контексте это ответ на вопрос «что они говорят?»). Если такого перехода не происходит, то речь идёт не столько о доверии, сколько о фанатичной вере, когда важно только «кто он/они?», при этом вопроса «что они говорят?» не возникает, так как всё, что говорится, принимается как истинное откровение. Однако мобилизационный потенциал такого фанатизма в современной политике крайне ограничен (хотя и существует).

У политической риторики, как у механизма, запускающего процесс конструирования политических смыслов в нарративной форме, нет ценностного знака «плюс» или «минус». Поэтому риторическую аргументацию можно считать модальным механизмом политических нарративов. Одни политические лидеры с помощью риторики будут добиваться осуществления общего блага, другие, используя риторические приемы, будут маскировать свои корыстные интересы. И та и другая стратегия могут быть *успешными*, т.е. могут получить *доверие* со стороны значимых общественных групп.

Ситуация злоупотребления риторическими навыками со времён античности получила название *демагогии*. Демагоги могут быть политически популярны не меньше, чем политики, не злоупотребляющие демагогией. Однако у последних популярность — доверительно-полномочная, а у первых — сугубо доверительная. Хотя и тот и другой вид популярности будут реальными и будут порождать реальные политические последствия.

Можно сказать, что связь между *демагогией* и *популярностью* носит контекстуальный, а потому *случайный* характер. Демагоги могут быть популярными в условиях политической рутины, могут приобрести популярность, риторически эксплуатируя ситуацию кризиса. Символизирующий потенциал такой популярности, как правило, крайне слаб, ибо демагогический нарратив целиком ориентирован на предсказуемую (т.е. конвенциональную) реакцию публики. То есть демагог говорит то, что публика хочет услышать, ожи-

дая, что последняя поведёт себя так, как нужно демагогу [Cohen, 2001; Canes-Wrone, 2005; Zarefsky, 2008].

Даже если случайно *демагогия* приведёт к политической *символизации*, неконвенциональный мультиплицирующий эффект, порождённый демагогией, будет крайне *опасен* для последней, приведя к новому качеству коллективного самоосознания политического сообщества. Такое сообщество нужно будет *реально*, а не демагогически, *возглавить*. Это вполне возможно, но в таком случае политическому лидеру придётся действительно, а не на словах, отстаивать интересы данного сообщества. Для политиков-демагогов это, как правило, непосильная задача. Массовая отставка политиков, боровшихся за выход Великобритании из ЕС, после их «сокрушительной победы» на референдуме — яркий тому пример.

Личная идентификация с политической реальностью

В своё время Э. Гидденс доказывал, что существует фундаментальная потребность в ощущении согласованности и наличии общих смыслов как стремление к экзистенциальной безопасности перед лицом усложняющейся социальной реальности [Giddens, 1991]. Гидденсовская теоретизация интерсубъективности как преодоления категориальной разделённости структурного и акторного начала была теоретической попыткой возвращения согласованного смысла социальной реальности, «разрушенного» постмодернизмом. В этой связи можно отметить *амбивалентность* политического нарратива как предмета рефлексии к согласованности и несогласованности сюжетных линий нарратива. В контексте политической символизации такая амбивалентность преодолевается в процессе *личной идентификации*.

Личную идентификацию в политическом контексте можно обозначить как персональное отождествление с элементами политической реальности. Это основано на допущении, что человеку свойственно искать собственной когерентности существующему порядку. Люди могут обнаружить или не обнаружить такую когерентность; здесь принципиально важно, что они эту когерентность обязательно ищут [Hamtack, 2008; Hamtack, Pilecki, 2012; McAdams, 1996]. Можно назвать это нахождением *смысла через идентичность*.

Наиболее зримо такая идентификация видна на соотношении «личных историй» и общего национального нарратива. Как правило, такие «личные истории» укладываются в сюжетные линии истории национальной, которая рассказывается в настоящем. Тем самым одновременно достигается чувство личной согласованности и групповой солидарности. В рамках дискурсивного анализа это исследовалось как персональный дискурс [Hamtack, 2011] или как дискурс интерактивный [Greenwalt, 2009].

Однако в рамках политической символизации принципиально важно не только то, что общие нарративы влияют на личные истории, но и то, каким образом личные истории «возвращаются» в общий нарратив, создавая специфическую коллективную память [Wertsch, 2002; Wertsch, 2008]. Индивидуальные интерпретации событий, соотнесённые с рефлексией актуальной политической жизни, ведут к формированию тех самых «воображаемых сообществ», которые в рамках современной политической теории именуется нациями [Андерсон, 2001]. И эти «воображаемые сообщества» накладывают на действующих политиков реальные ограничения и конкретные обязательства. Сила национального нарратива в политической реальности состоит в том, что, как правило, он рассказывается языком, на котором думает (и поэтому говорит) данное национальное сообщество. Реальность языка-мышления ведёт к тому, что национально-государственное образование толкуется абсолютным большинством сообщества как естественное, «само собой разумеющееся», а не социально категоризированное¹².

¹² О восприятии государства как естественного, а не социального явления: [Reicher, Hopkins, 2001].

Символизация солидарности между памятью и представлениями

В процессе политической символизации происходит синтез личного и политического. Это достигается через нахождение согласованного толкования разнообразных политических суждений. Данный синтез исходит из того, что индивид не является автономным в позитивистском и утилитаристском смысле. Индивид *как бы* автономно соотносит личное и политическое, участвуя в общем процессе символической генерализации смыслов. Тем самым *когерентность достигается через нарратив социальной сплочённости*.

При этом встраивание в подобный нарратив не обязательно носит актуальный характер речевого взаимодействия. Зачастую достаточно осознания себя частью кантовского *sensus communis*, когда приобщение к сообществу достигается не эмпирическим обнаружением тех, «кто-как-я», а уверенностью в том, что «такие-как-я», безусловно, есть. Так возникает *ситуативная фиксация коллективной памяти как актуальная символизация солидарности*.

При этом в контексте политической символизации суждения о коллективных воспоминаниях выходят за рамки самих воспоминаний, добавляя воображение, спровоцированное общественным мнением политического настоящего¹³. Соединение фактического (реальные исторические события) и вымышленного (фантазии/мечты, продиктованные настоящим) формируют мифы (точнее — *мифологемы*¹⁴), символизирующие *солидарность* сообщества как коллективную память, которая одновременно выступает коллективным представлением настоящего. Подобные мифологемы тем устойчивее, чем выше потребность в обосновании актуальной политической позиции *тенденциозно* истолкованным прошлым¹⁵.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что вариантов коллективной памяти, символизирующих представления о настоящем, может быть множество. И национально-государственные различия здесь не единственный водораздел. По сути, все значимые социально-политические элементы настоящего времени могут запускать механизм отдельного конструирования коллективной памяти: религия, возраст, социальное происхождение, гендер, идеологические предпочтения. Достаточно вспомнить взаимоисключающие версии коллективной памяти о деятельности Сталина в современном российском обществе. На последнем примере можно проиллюстрировать и отсутствие универсального воздействия на коллективную память государственной образовательной политики. Последняя может зачастую выступать катализатором разнонаправленных процессов коллективной идентификации как солидарности.

Можно утверждать, что *коллективная память* как комплекс нарративов, направленных на формирование представлений настоящего, является *динамическим конструктом*, формирующим идентификацию и самоосознание социальных групп. В ходе этого процесса происходит выработка политического смысла настоящего как «присвоение» *прошлого* через специфический нарратив коллективной памяти.

Концепция социальных представлений в рамках социальной психологии, созданная С. Московичи, определяет последние как набор понятий, убеждений и объяснений, возникающих в повседневной жизни по ходу межличностных коммуникаций; их даже можно назвать современной версией здравого смысла [Moscovici, 1981]. В контексте политической

¹³ О влиянии общественных настроений на коллективную память: [Halbwachs, 1992].

¹⁴ Говорить о существовании мифов как таковых в современном мире было бы преувеличением.

¹⁵ Дж. Александер отмечает, описывая культурные травмы, что травма возникает тогда, когда члены некоего сообщества осознают, «что их заставили пережить какое-то ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании». Оно «навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом меняет их будущую идентичность». Однако впоследствии нередко не само это событие, а его *интерпретация* начинает играть всё большую роль [Александер, 2013. С.255].

символизации социальные представления можно считать нарративно зафиксированным коллективным смыслом политики, который возник в ходе *неконвенционального* взаимодействия суждений, но приобрёл (на какое-то время) *конвенциональный* характер.

Эмоциональность как символический атрибут политических нарративов

В рамках политической символизации нарративы — не только отражение процесса познания или продукт последнего, они являются деятельными медиаторами самой социально-политической практики. Нарративы как реальная речь способствуют осуществлению политических трансформаций, а также легитимации политических действий.

Коллективное участие в политической реальности опосредуется через призму нарративов. Последние выступают организаторами языка как толкования политики, передающими её специфические смыслы. Здесь важно помнить, что в контексте политической символизации принципиально важна не только связь между означаемым и означающим (эпистемология и семантика как таковые). Символизация выходит за рамки познания и теории языка в сферу *аффективного* [Bruner, 1990], так как там обнаруживается *мотивационная* основа нарративов политической идентификации.

Эмоциональная наполненность нарративов ведёт к их воплощению в *практиках* политической реальности, которая становится синтезом мыслей, чувств и поступков. С позиций политической символизации эмоциональный потенциал превращает политические нарративы в «уполномоченных представителей» политических действий и решений. Политическая реальность продуцирует политические нарративы, которые становятся *когнитивным фильтром* (или «телескопической трубой») для опосредованных социальных практик. Подобная *«новостовательная разборчивость»* политических нарративов способна трансформировать прорывы политического смысла в новый коллективный здравый смысл (всего через несколько лет после развала Советского Союза уже не было значимого оспаривания того, что «рынку нет альтернативы», хотя даже эмпирически это не так). При этом может происходить и обратный процесс, когда политические нарративы «превращают» status quo в несправедливое состояние политического сообщества, которое противоречит «самой природе вещей», достаточно вспомнить «I have a dream» Мартина Лютера Кинга.

Восприимчивость к политическим нарративам и их способность к восприимчивости формирует эмоционально наполненное политическое действие. В данном случае *восприятие* выступает как *интерпретация* через *идентификацию*. Такая интерпретация будет эмоционально окрашена и риторически «прочерчена» (выстроена), что приведёт к появлению нового качества моральной идентификации в политическом контексте¹⁶. То есть аффективный компонент политических нарративов — не дополнительный, а неизбежный элемент конструирования политических смыслов. Без этого компонента политическая речь как интерактивное взаимодействие превращается в носителя информации, которая имеет *значение*, но не вызывает потребности политического *обсуждения*, а значит, теряет собственно политическое качество.

Эмоционально окрашенный политический нарратив производит не только общий набор убеждений. Но и общий *«репертуар»* индивидуальных историй, соединяющихся в общий нарратив коллективной памяти, которая есть рефлексия настоящего. Такие эмоционально окрашенные нарративы мотивируют к общим социальным практикам (круговая порука, например). Позитивные или негативные коллективные эмоции (гордость, гнев,

¹⁶ О связи эмоций и риторики в процессе: [Singer, 1995].

ненависть) кодируются в коллективные сюжетные линии политических конфликтов, участники которых хорошо узнаваемы в своем вокабуляре и его аффективном сопровождении.

Интернализация конкретного голоса требует не только *идентификации* данного голоса с коллективным политическим нарративом, но и эмоциональной *идеализации* (как положительной, так и отрицательной) последнего. Можно сказать, что нарратив политически *успешен*, если он *провокационен*, т.е. провоцирует участников интеракции на идентификацию как выработку новых (защиту существующих) идей (идеалов).

Вовлечение в политический нарратив, как правило, предполагает диалогическое взаимодействие с культурной средой или социальной практикой. Данный диалог следует понимать не как нейтральный обмен информацией, а как аффективно насыщенное взаимодействие, вызывающее формирование ценностных суждений согласия или несогласия с оцениваемой ситуацией. Только такой диалог может привести к целенаправленному коллективному политическому действию.

Можно сказать, что *аффективная* наполненность политических нарративов неотделима от их *когнитивных* механизмов. *Убеждения*, транслируемые актуальными политическими нарративами, *не являются эмоционально нейтральными теориями морали*. Такие нарративы провоцируют одновременно и ценностную *идентификацию*, и эмоциональную *интернализацию*. Если коллективные эмоции и не являются медиаторами коллективных политических нарративов, то их можно уподобить пусковому механизму, запускающему медиацию.

Наиболее остро взаимодействие аффектов и когнитивных механизмов можно проследить в том, что сегодня называется когнитивными войнами [Медушевский, 2023a; Медушевский, 2023b]. Разворачивание таких войн вывело критику позитивистски фиксируемых фактов за рамки академической дискуссии, сделав антипозитивистское воздействие политических нарративов частью реальности, которое имеет конкретные, вполне осязаемые и эмпирически фиксируемые последствия.

Когнитивные войны показали, что фактологические способы борьбы с медиа-фейками являются попытками «высечь море». Фейки создаются не для того, чтобы исказить факты, их цель — запустить (или укрепить) процессы коллективной самоидентификации. И если фейк падает на подготовленную контекстом почву, даже его бесспорное опровержение отсеивается когнитивными фильтрами сообщества: «вы всё врёт».

В этой связи можно вспомнить жуткий фейк начала СВО, когда на руках у украинских врачей умер окровавленный ребёнок. Выяснилось, что это был спектакль с телом уже мёртвого ребенка, и все участники постановки знали об этом. Эмоциональный эффект от этого фейка на противников СВО был огромный, фактическое опровержение вообще не имело никакого заметного влияния.

Фейк на сегодняшний день — это значимый элемент формирования политической повестки дня, вырабатывающей нарративы коллективной солидарности. Пушкинское «над вымыслом слезами обольюсь» оказалось гораздо глубже, чем просто литературный оборот. Следствием вымысла являются реальные слезы.

Заключение

Объяснительные модели, опирающиеся на структурные характеристики политики, обеспечивая бесспорное и ценное приращение научного знания в своих предметных областях, утрачивают остроту понимания политической реальности, т.е. *понимания* действий тех, кто участвуют в политике. В контексте политической символизации *нарратив* может представлять собой *аналитическое решение проблемы взаимодействия индивидуального сознания и общества*. Это решение состоит в допущении того, что индивиды живут в социально-политическом контексте, насыщенном рассказами как *речевыми ситуациями*.

В этом контексте люди думают, чувствуют и действуют в соответствии с этими рассказами и посредством последних. Так формируется коллективная память как социальное представление о настоящем.

Динамическая взаимосвязь риторически выстроенной аргументации политиков как «профессионального» политического нарратива с личными рассказами индивидов как толкователей политики показывает формирование смысла той или иной политической ситуации. Эта взаимосвязь может иметь консенсусный или конфликтный характер. И в том и в другом случае станет формироваться коллективное самоосознание, которое будет либо продуцировать авторитет политических лидеров, либо дезавуировать его.

Тем самым осуществляется символизация как синтез политического смысла и политического действия. В её процессе снимается различие между индивидуальным и коллективным. Если когнитивные и поведенческие характеристики приобретают смысл норм и ценностей, индивидуальное символически самоотождествляется с коллективным как обретаемая солидарность (например, в случае с победоносной революцией).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Александр Дж. (2013) *Смыслы социальной жизни: культуросоциология* [Alexander J. (2013). *Meanings of social life: a cultural sociology*]. — М.: Праксис.
- Андерсон Б. (2001). *Воображаемые сообщества* [Anderson B. (2001). *Imagined Communities*]. — М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле.
- Анкерсмит Ф.Р. (2003). *История и тропология: взлет и падение метафоры* [Ankersmit F.R. *History and tropology. The rise and fall of metaphor*]. — М.: Прогресс-Традиция.
- Витгенштейн Л. (2009). *Логико-философский трактат* [Vitgenshtein L. (2009). *The Tractatus Logico-Philosophicus*]. — М.: Наука.
- Кант И. (1994). *Критика способности суждения* [Kant I. (1994). *Critique of Judgement*]. — М.: Искусство.
- Куайн У. В. О. (2000). *Слово и объект* [Quine W.V.O. (2000) *Word and object*]. — М.: Праксис; Логос.
- Лиотар Ж.-Ф. (1998). *Состояние постмодерна* [Liotard J.-F. (1998). *The Postmodern Condition*]. — СПб.: Алетейя.
- Медушевский А.Н. (2023a). Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Ч. I. [Medushevskiy A. (2023a). *Cognitive Warfare: Social Control, Meaning-Making and the Instrument of the Global Dominance. Part 1*] // *Вопросы теоретической экономики*. № 2. С. 85–98.
- Медушевский А.Н. (2023b). Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования Ч. II [Medushevskiy A. (2023b). *Cognitive Warfare: Social Control, Meaning-Making and the Instrument of the Global Dominance. Part 1*] // *Вопросы теоретической экономики*. № 3. С. 92–107.
- Мусихин Г.И. (2015a). Концептуализация политической символизации [Musikhin G.I. (2015a). *The Conceptualization of Political Symbolization*] // *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 130–144.
- Мусихин Г.И. (2015b). Символизация как контекстуальный синтез политической онтологии, политической эпистемологии и политического языка [Musikhin (2015b). *Symbolization as a Contextual Synthesis of Political Ontology, Political Epistemology, and Political Language*] // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 45–57.
- Мусихин Г.И. (2016). Политическая риторика как квазисимволизация? [Musikhin G.I. (2016). *Political Rhetoric as a Quasi-Symbolization?*] // *Социологическое обозрение*. Т. 15. № 2. С. 140–160.
- Мусихин Г.И. (2018). Риторическая аргументация и политическая символизация [Musikhin G.I. (2018). *Rhetorical Argumentation and Political Symbolization*] // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 163–176.
- Остин Дж. (1999). *Избранное* [Austin J. (1999). *Selected works*]. — М.: Идея-Пресс.
- Рикёр П. (1998). *Время и рассказ*. Т. 1. Интрига и исторический рассказ [Ricoeur P. (1998). *Time and Narrative*]. — М., СПб.: Университетская книга.
- Тодоров Ц. (1998). *Теории символа* [Todorov Z. (1998). *Symbol Theory*]. — М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество.
- Фуко М. (2012). *Археология знания* [Foucault M (2012). *Archeology of knowlege*]. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия».
- Шмитт К. (2006). *Политический романтизм* [Schmitt K. (2006). *Politische Romantik*]. — М.: Праксис.

- Berger P. L., Luckmann T. (1966). *The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge*. — New York: Anchor Books.
- Biehl-Missal B. (2010). Hero takes a Fall: A Lesson from Theatre for Leadership // *Leadership*. Vol. 6. No. 3. Pp. 279–97.
- Billig M. (1985). Prejudice, categorization and particularization: From a perceptual to a rhetorical approach // *European Journal of Social Psychology*. Vol. 15. No. 1. Pp. 79–103.
- Billig M. (1987). *Arguing and thinking: A rhetorical approach to social psychology*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Bruner J. (1990). *Acts of meaning*. — Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Canes-Wrone B. (2005). *Who Leads Whom?* — Chicago: University of Chicago Press.
- Cassin B., Goffey A. (2009). Sophistics, Rhetorics, and Performance: Or How To Really Do Things with Words // *Philosophy and Rhetoric*. Vol. 42. No. 4. Pp. 349–72.
- Charteris-Black J. (2005). *Politicians and Rhetoric*. — Basingstoke: Palgrave.
- Cohen D. (1994). Classical Rhetoric and Modern Theories of Discourse // *Persuasion: Greek Rhetoric in Action* / I. Worthington (ed.). — London: Routledge. Pp. 69–82.
- Cohen D. (2001). Oratory // *Encyclopaedia of Rhetoric* / T.O. Sloane (ed.). — Oxford: Oxford University Press. Pp. 538–47.
- Collinso D. (2005). Dialectics of leadership // *Human Relations*. Vol. 58. No. 11. Pp. 1419–42.
- Cunliffe A. (2008). Orientations to Social Constructivism: Relationally Responsive Social Constructionism and its Implications for Knowledge and Learning // *Management Learning*. Vol. 39. No. 2. Pp. 123–39.
- Czarniawska B. (1997). *Narrating the Organization: Dramas of Institutional Identity*. — Chicago: University of Chicago Press.
- Dijk van T. (2008). *Discourse and Power*. — New York: Palgrave Macmillan.
- Edwards D. (1997). *Discourse and Cognition*. — Thousand Oaks, CA: Sage.
- Fairclough G., Grant D. (2010). The Social Construction of Leadership: A Sailing Guide // *Management Communication Quarterly*. Vol. 24. No. 2. Pp. 171–210.
- Fairhurst G.T., Sarr R.A. (1996). *The Art of Framing: Managing the Language of Leadership*. — San Francisco: Jossey-Bass.
- Fisk R. (2001). *Pity the Nation*. — Oxford: Oxford University Press.
- Fivush R. (2010). Speaking silence: The social construction of silence in autobiographical and cultural narratives // *Memory*. Vol. 18. No. 2. Pp. 88–98.
- Frank D. (2011). Obama's rhetorical signature // *Rhetoric and Public Affairs*. Vol. 14. Pp. 605–630.
- Gabriel Y. (2004). Narratives, Stories and Texts // *The Sage Handbook of Organizational Discourse* / D. Grant, C. Hardy, C. Osrick, L. Putnam (ed.). — London: Sage. Pp. 61–78.
- Gabriel Y. (2008). *Organizing Words*. — London: Sage.
- Gergen K.J. (1985). The social constructionist movement in modern psychology // *American Psychologist*. Vol. 40. No. 3. Pp. 266–275.
- Gergen K.J. (1994). *Realities and relationships: Soundings in social construction*. — Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Giddens A. (1991). *Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age*. — Stanford, CA: Stanford University Press.
- Gottweis H. (2006). Argumentative Policy Analysis // *Handbook of Public Policy* / B. Peters, J. Pierre (ed.). — London: Sage. Pp. 461–479.
- Greenwalt K.A. (2009). Discourse, narrative, and national identity: The case of France // *Harvard Educational Review*. Vol. 79. No. 3. Pp. 494–519.
- Hackman M.Z., Johnson G.E. (2009). *Leadership: A Communication Perspective*. — Long Grove, IL: Waveland Press.
- Halbwachs M. (1992). *On collective memory*. — Chicago: University of Chicago Press.
- Hammack P.L. (2008). Narrative and the cultural psychology of identity // *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 12. No. 3. Pp. 222–247.
- Hammack P.L. (2011). *Narrative and the politics of identity: The cultural psychology of Israeli and Palestinian youth*. — New York: Oxford University Press.
- Hammack P.L., Pilecki A. (2012). Narrative as a Root Metaphor for Political Psychology // *Political Psychology*. Vol. 33. No. 1. Pp. 75–103.
- Isaksen J. (2011). Obama's rhetorical shift // *Communication Studies*. Vol. 62. Pp. 456–471.
- Iyengar S. (2005). Speaking of Values: The Framing of American Politics // *The Forum*. Vol. 3. No. 3. Pp. 7–18.
- Keohane N.O. (2010). *Thinking about Leadership*. — Princeton: Princeton University Press.
- Lakoff G. (2004). *Don't Think of an Elephant: Know Your Values and Frame the Debate*. — White River Junction, VT: Chelsea Green Publishing.
- Luhman N. (1975). *Macht*. — Stuttgart: Enke.
- McAdams D.P. (1996). Personality, modernity, and the storied self: A contemporary framework for studying persons // *Psychological Inquiry*. Vol. 7. No. 4. Pp. 295–321.
- Merton R.K. (1995). The Thomas Theorem and The Matthew Effect // *Social Forces*. Vol. 74. No. 2. Pp. 379–424.

- Moscovici S. (1981). On Social representations // *Social Cognition: Perspectives on Everyday Understanding* / H.G. Forgas (ed.). — L.: Academic Press. Pp. 181–209.
- Nye J.S. (2008). *The Powers to Lead*. — Oxford: Oxford University Press.
- Potter J., Wetherell M. (1987). *Discourse and social psychology: Beyond attitudes and behavior*. — Thousand Oaks, CA: Sage.
- Reicher S.D., Hopkins N. (2001). *Self and nation*. — Thousand Oaks, CA: Sage.
- Seidman S., Buhle P. (2008). Che Guevara, Image and Reality: Postscript to S. Rodriguez // *Rodriguez S. Che: A Graphic Biography*. — London: Verso.
- Rorty R.M. (1967). *The Linguistic Turn. Recent Essays in Philosophical Method*. — Chicago: University of Chicago Press
- Shapiro I., Wendt A. (1992). The Difference That Realism Makes: Social Science and the Politics of Consent // *Politics and Society*. Vol. 20. Pp. 197–223.
- Sharma A., Grant D. (2011). Narrative, Drama and Charismatic Leadership // *Leadership*. Vol. 7. No. 1. Pp. 3–26.
- Singer J.A. (1995). Putting emotion in context: Its place within individual and social narratives // *Journal of Narrative and Life History*. Vol. 5. No. 3. Pp. 255–267.
- Somers M. R. (1994). The narrative construction of identity: A relational and network approach // *Theory and Society*. Vol. 23. No. 5. Pp. 605–649.
- Suny R. G. (2001). Constructing primordialism: Old histories for new nations // *Journal of Modern History*. Vol. 73. No. 4. Pp. 862–896.
- Tourish D., Jackson B. (2008). Guest Editorial: Communication and Leadership // *Leadership*. Vol. 4. No. 3. Pp. 219–25.
- Wertsch J.V. (2002). *Voices of collective remembering*. — New York: Cambridge University Press.
- Wertsch J.V. (2008). The narrative organization of collective memory // *Ethos*. Vol. 36. No. 1. Pp. 120–135.
- Wilson J. (1990). *Politically Speaking*. — Oxford: Basil Blackwell.
- Zarefsky D. (2008). Strategic Maneuvering in Political Argumentation // *Argumentation*. Vol. 22. No. 3. Pp. 317–30.

Мусихин Глеб Иванович

glebmus@yandex.ru

Gleb Musikhin

Doctor of Science (Political Science), Department of Social and Humanitarian Disciplines, Russian Biotechnological University.

glebmus@yandex.ru

NARRATIVE AS A MEANING-FORMING ELEMENT OF POLITICAL SYMBOLIZATION

Abstract. The article deals with a theoretical analysis of the concept of political narrative as a political reality, which is not reducible to a set of positivistically established facts. In the context of political symbolization, narratives as elements of interpretation of politics implicate political meanings through verbal situations that develop as an interaction of *judgments*. Political narratives function as mediators in social activities and not only communicate information, but do it incrementing new meanings, as political narratives are conveyed through deliberation. The “narrative identity” is formed as a reference to metanarratives and their creators. The author shows that any symbolic political reality is a constellation of involvement narratives that create verbal situations of interactions between community members and the collective history as a narration. Therefore, a narrative introduces individuals into a political context. This enables to fix the narrative “footprint” of joint social practices that are named “culture”, “nation”, “country”, etc. At the same time, the author substantiates that the form and the content of political narratives have the meaning of retrospective inner causality, since the inherited array of political interpretations is constantly «retold» in the present reality. It is concluded that in the context of political symbolization, narrative can be an analytical solution of the problem of interaction between individual consciousness and a society.

Keywords: *political symbolization, narrative, verbal situation, political context, discourse, involvement, collective memory, identification.*

JEL: Z10, Z18.